

— В тот день, когда беженцы ворвались во дворец, он так перепугался, что слёг и больше не поднимается, — сказал Сун Чжияо. — В последние дни ему стало чуть лучше. Отправляйся к Правителю Ся и испроси разрешения усмирить смуту в Сяочжоу. Дядя и генерал Сюй окажут тебе полную поддержку. Когда с Сяочжоу будет покончено, и двор, и задворки станут рекомендовать тебя в наследные принцы.

— Семья Шангуань тоже поддержит? — Цэнь Цзибай вспомнил взгляд и тон Шангуань Мяо, с какими она смотрела на него в покоях Правителя Ся, и его пробрала дрожь.

— Шангуань Тэн надеется, что ты возьмёшь в главные жёны его старшую внучку, — беспечным тоном произнёс Сун Чжияо.

— Тогда мне придётся жениться на многих. — И не только на девушке из семьи Шангуань, но и из семьи Чжоу.

Цэнь Цзибай криво усмехнулся. — Даже если они станут главными жёнами, что с того? Неужели они всерьёз думают, что смогут удержать военную власть с помощью женщины?

Императорская гвардия — личные войска Правителя Ся. Веками сохранялся обычай: с каждым новым правителем сменяется и командующий столичной гвардией. Но нынешний Правитель Ся слишком снисходителен, и влияние семьи Шангуань в Императорской гвардии чрезмерно разрослось.

— Разве не прекрасно, что они так полагают? — Сун Чжияо, словно вспомнив что-то забавное, с усмешкой добавил:

— Вообще-то, девушка из семьи Шангуань весьма неплоха...

Цэнь Цзибай неопределённо улыбнулся:

— Семья Сун тоже хочет породниться со мной? Честно говоря, Синьчэнь был бы отличным выбором.

Сун Чжияо взял со стола бамбуковый свиток и стукнул им Цэнь Цзибая по плечу, рассмеявшись:

— Синьчэнь — наследник, единственный сын. Он может только брать в жёны, но не отдаваться. Хочешь спросить его, возьмёт ли он тебя?

Цэнь Цзибай поклонился и отбыл, размышляя про себя: а если бы это был Линь Цзинь, женился бы он на нём? Мысль лишь мелькнула и тут же угасла. Ему предстояло заключить слишком много брачных союзов, и Линь Цзинь наверняка презирал бы его за это.

В двадцатый год правления Правителя Ся Гуана, в одиннадцатом месяце, принц Цзибай был назначен генералом Гвардии Тигра и отправлен на подавление мятежа в Сяочжоу.

А ещё в том же году, в конце десятого месяца, Линь Цзинь отбыл на северные земли.

Несмотря на сокрушительное поражение северных ди, на севере царил полный хаос. Учитывая урок, преподанный заставой Ляньюнь, гарнизоны каждого города и каждой местности северных земель требовали тщательной проверки со стороны семьи Линь. Великий маршал Линь Шу метался между северо-западом и Линъяном, и бремя военных дел трёх северных провинций легло на плечи одного лишь Линь Юаня. Линь Цзинь, прославившись в битве у

заставы Ляньюнь и завоевав авторитет, был отправлен Линь Юанем на север для помощи.

В двадцать первый год правления Правителя Ся Гуана, в четвёртом месяце, волнения в Сяочжоу были подавлены. В шестом месяце Правитель Ся назначил принца Цзибая наследным принцем, а молодой командир Цзян Пин, сражавшийся бок о бок с Цэнь Цзибаем в Гвардии Тигра, стал командующим гвардией наследного принца.

****Авторское примечание:****

Похоже, запас черновиков на выходные иссякнет... Но, увидев новые комментарии, я не могу удержаться и выкладываю ещё одну главу.

В двадцать третий год правления Правителя Ся Гуана, осень, восьмой месяц. С тех пор как Правитель Ся тяжело занемог, наследный принц Цзибай управлял государством уже целый год.

Шестнадцатилетний Цэнь Цзибай перенял привычку Правителя Ся проводить утренние аудиенции через день. Не то чтобы он сам был ленив — просто отец всё ещё был жив, и менять заведённый порядок было неудобно. С другой стороны, даже в дни без аудиенций все доклады и вопросы, требующие обсуждения, неизменно оказывались на его столе.

Дела было не так много, чтобы наследному принцу-регенту приходилось трудиться до поздней ночи и спать лишь по два часа в сутки, но эффективность была низкой. Во-первых, придворные чиновники яростно препирались, их интересы были переплетены, и одно неосторожное движение могло потянуть за собой всё. Во-вторых, Цэнь Цзибай плохо спал, его часто мучили кошмары. И наконец, ему приходилось обдумывать слишком многое. Он изучал почти каждую докладную записку досконально, взвешивая, какие семьи могут быть затронуты, можно ли обратить ситуацию себе на пользу, не вызовет ли его решение недовольство тех, кого пока рано провоцировать, и — учитывая, что он был лишь регентом, а не истинным государем — как не дать повода обвинить его в непочтительности, нелояльности или неподчинении... Для страны, источенной болезнями, один неверный шаг Цэнь Цзибая мог обернуться гибелью, и он не мог позволить себе ни малейшей небрежности.

В дни утренних аудиенций он поднимался на рассвете в Восточном дворце, шёл в зал Дася для управления делами, после аудиенции навещал Правителя Ся в его покоях, затем полчаса упражнялся с мечом в саду и возвращался в кабинет зала Дася.

В дни без аудиенций он с утра отправлялся в Великую академию на чтения, затем навещал Правителя Ся и возвращался в академию на занятия. Порой прямо во время уроков чиновники требовали обсудить неотложные дела, и Цэнь Цзибаю приходилось покидать тренировочный плац или классную комнату, дабы вернуться в зал Дася и выслушивать препирательства старых сановников.

Если бы всё ограничивалось этим, он был бы прилежным и усердным наследным принцем, достойным будущим правителем.

Однако жизнь наследного принца, разумеется, не могла быть столь простой. Время от времени его покой нарушали Чжоу Дань и Шангуань Шиши. Они, словно сговорившись, являлись по очереди: одна сегодня, другая завтра. Цэнь Цзибай ещё не был помолвлен, и место главной жены наследного принца, будущей государыни, по праву должно было достаться принцессе из царства Юй — всё-таки её происхождение говорило само за себя. Разве что Цэнь Цзибай

поступил бы как нынешний Правитель Ся, взяв главную жену до брака с Юй — Цэнь Гуан изначально не должен был стать наследником, просто двое, стоявшие в очереди на престол перед ним, умерли.

Но в Линъяне уже почти общепринятым считалось, что места жён из семей Шангуань и Чжоу закреплены за ними. Для посторонних это было само собой разумеющимся, а для самих участниц — и подавно.

Это «само собой разумеющееся» доставляло немало хлопот приближённым Цэнь Цзибая. Они и так были заняты, а будущие жёны постоянно являлись с расспросами: что наследный принц делал сегодня, что планирует, куда ходил, что любит из супов и сладостей, пробовал ли то, что они прислали ко двору на днях...

Линь Сюнь и Сун Сяоси, часто общавшиеся с Цэнь Цзибаем, тоже регулярно с ними сталкивались. Один учился в Великой академии, другой же, благодаря Сун Чжияо и канцлеру Суну, часто выступал посредником для Цэнь Цзибая, и оба постоянно страдали от назойливости будущих жён.

Сун Сяоси был человеком кроткого нрава, благородным и приятным, но на все вопросы отвечал уклончиво.

Линь Сюнь же не был склонен церемониться с прекрасным полом. В хорошем настроении он мог подшутить, заставив их опозориться, а в плохом — бросал язвительные реплики и отпуская колкости.

В тот день Шангуань Шиши снова явилась во дворец. Она была сдержаннее Чжоу Дань и формально пришла навестить свою тётку Шангуань Мяо. Поговорив с тётушкой, она «случайно» встретила Цэнь Цзибая, который после аудиенции отправился навестить отца.

Шангуань Мяо попросила наследного принца составить Шиши компанию в саду. Цэнь Цзибай согласился.

— Ваше Высочество, как ваши дела в последнее время? Тётушка говорила, вы очень заняты, пожалуйста, не забывайте о здоровье, — промолвила Шангуань Шиши. Ей было четырнадцать лет, самый цветущий возраст. В отличие от более юной, но густо нарумяненной Чжоу Дань, Шиши умела подчеркнуть естественную прелесть юности: лишь лёгкий румянец на щеках, розовые губы и тонко подведённые брови.

Будь в Цэнь Цзибае хоть капля романтичности, он бы несомненно заволновался. Увы, он был холоден, и к этой девушке не питал ни малейшей нежности.

— Благодарю за заботу, Шиши. Всего пару дней не виделись, а ты стала ещё прекраснее, — с тёплой улыбкой ответил Цэнь Цзибай. На самом деле они виделись всего два дня назад, и стал ли она прекраснее, он не заметил. В его сердце единственным, кто действительно был прекрасен, оставался Линь Цзинь.

Но Шангуань Шиши эти слова пришли по душе. Однако Линь Сюнь, проходивший мимо по пути на тренировку по верховой езде и стрельбе из лука, услышав комплимент, остался недоволен.

В Великой академии ныне учились лишь двое: Линь Сюнь и Цэнь Цзибай. Теперь Цэнь Цзибай занимался через день, да и того его часто отвлекали, так что Линь Сюню приходилось «наслаждаться» вниманием двух учителей словесности и двух учителей воинских искусств. Это

чувство было далеко от удовольствия.

Учёба была каторгой, а отбытие с занятий — помилованием.

— Снова во дворце, мисс Шангуань? Ваше Высочество, вы, верно, забыли, что видели её всего два дня назад. А я вот помню, как вы с сестрицей Дань резвились в воде и свалились в озеро? — Линь Сюнь не только ткнул в её слабое место, но и нарочито назвал Чжоу Дань «сестрицей», дабы уязвить Шиши.

Линь Сюнь выдержал паузу, с удовольствием наблюдая, как лицо Шиши белеет от злости, и довершил:

— Но вы и вправду прекрасны, мисс Шангуань. Это ведь аллергия на персиковый цвет, правда? Ах, как же это мило...

— Что ты несёшь? Это у тебя самого аллергия! Ты, ты... — Шиши задохнулась от ярости.

Но Линь Сюнь, бросив эту фразу, уже быстро зашагал прочь.

— Ваше Высочество, взгляните же на него! — Шиши в сердцах топнула ногой.

Цэнь Цзибай с напускным раздражением промолвил:

— Этот Линь Сюнь становится совсем несносен. Я пойду и вправду проучу его. — И сам повернулся, чтобы последовать за Линь Сюнем.

Под вечер, отбив с занятий, Линь Сюнь, по обыкновению, увлёк Сун Сяоси прогуляться за пределы дворца. Ему требовалось развеяться каждый день, иначе было невозможно. А потом, вернувшись домой, его ждала мать, женщина учёная, которая принималась проверять его уроки. Свободы не было нигде.

Они сидели в закуской на северо-западе, и Линь Сюнь, обратив досаду в аппетит, собственноручно разделывал баранью ногу, орудуя ножом с видом лихого вояки.

<http://bllate.org/book/15933/1424121>